

**Кандор Р.С.**  
**ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕРКЕССКИХ СОТЕН**  
**КУБАНСКО-ГОРСКОГО КОННО-ИРРЕГУЛЯРНОГО ПОЛКА:**  
**ПЕРВЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ (1877 г.)**

Кандор Руслан Султанович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории

Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.Б. Керашева, Майкоп, Россия

E-mail: kandor.ruslan@mail.ru

тел.: 8(906) 438 59 89

*В настоящей статье рассматривается первый исторический опыт формирования из черкесов сотен Кубанско-горского конно-иррегулярного полка для участия в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Вопрос боевого содружества народов России всегда имеет исключительное значение для осознания ими общей с Россией истории и для патриотического воспитания на этих примерах будущих поколений. И в контексте рассмотрения российско-кавказского боевого содружества становится актуальным исследование такого положительного опыта комплектования черкесских сотен Кубанско-горского конно-иррегулярного полка.*

*В своей статье автор в ходе раскрытия проблемы следовал принципу научности и принципу объективности в проведении исследования, им был использован соответствующий широкий круг источников по истории адыгов (черкесов), включавший и большой объем архивного материала, предполагающий всесторонний охват исторических фактов по данной проблеме. Существенную роль в исследовании проблемы играет и принцип историзма, позволивший рассмотреть деятельность органов гражданской уездной власти и военного командования Кубанской области в динамике от фактических событий в конкретных исторических условиях до теоретических рассуждений об их причинах и последствиях.*

*В статье раскрывается успешная деятельность уездных гражданских органов власти Кубанской области и командования полка, по преодолению возникавших при формировании черкесских сотен Кубанско-горского конно-иррегулярного полка трудностей и главная из них заключалась в сохранении спокойной обстановки в черкесских аулах, не допуская в них беспорядков. Факты дезертирства нижних чинов полка, стараниями генерал-лейтенанта Кармалина, начальника Майкопского уезда Мамацева и командира полка подполковника Пентюхова не подорвали боеспособности всадников полка. Поистине удивляла непоколебимая вера генерал-лейтенанта Кармалина в стойкость морального духа всадников Кубанско-горского конно-иррегулярного полка, в высокую степень их готовности воевать за интересы России.*

*Автор приходит к выводу, что история формирования черкесских сотен Кубанско-горского полка в 1877 г. наглядно показала на практике один из действенных способов безболезненного привлечения горцев Кубанской области к отбыванию воинской повинности в*

*Российской империи. При этом российские власти Кубанской области получили в лице молодых представителей дворянских черкесских фамилий, прошедших проверку на верность Российскому престолу своею службою в горском полку, потенциально новое поколение аульных администраторов.*

**Ключевые слова:** *русско-турецкая война, формирование, кубано-горский полк, черкесы, начальник уезда, начальник области, побег всадников.*

**Для цитирования:** Кандор Р.С. Формирование черкесских сотен Кубанско-горского конно-иррегулярного полка: первый исторический опыт (1877 г.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 3(42). С. 28-40. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-13002.

**Kandor R.S.**

**FORMATION OF CIRCASSIAN HUNDREDS  
OF THE KUBAN-GORSKY CAVALRY-IRREGULAR REGIMENT:  
THE FIRST HISTORICAL EXPERIENCE (1877)**

Kandor Ruslan Sultanovich, Candidate of History, a leading researcher, Department of History Adygh Republican Institute for Humanitarian Studies named after T.B. Kerashev, Maikop, Russia

E-mail: kandor.ruslan@mail.ru

tel.: 8 (906) 438 59 89

*The article considers the first historical experience of forming Circassian hundreds of Kuban-Gorsky cavalry-irregular regiments to participate in the Russian-Turkish war of 1877-1878. The issue of the military community of the peoples of Russia is always of exceptional importance for their awareness of the history common with Russia and for patriotic education of future generations. And in the context of consideration of the Russian-Caucasian military community, the study of such a positive experience in recruiting the Circassian hundreds of the Kuban-Gorsky cavalry-irregular regiment becomes relevant.*

*In the course of solving the problem the author has followed the principle of science and objectivity in conducting research, he has used a corresponding wide range of sources on the history of the Circassians (Circassians), which includes a large amount of archival material, assuming a comprehensive coverage of historical facts on the problem. The principle of historicism also plays a significant role in the study of the problem, which allows us to consider the activities of the civilian county government and the military command of the Kuban region in dynamics from actual events in specific historical conditions to theoretical discussions about their causes and consequences.*

*The article revealed successful activities of the county civil authorities of the Kuban region and the regiment command to overcome the difficulties that had arisen during the formation of the Circassian hundreds of the Kuban-Gorsky cavalry-irregular regiment; the main one was to maintain peace in Circassian villages and to prevent disturbances in them. The facts of desertion of the lower ranks of the regiment did not undermine the fighting efficiency of the regiment riders due to the efforts of Lieutenant General Karmalin, the head of the Maikop Uyezd Mamatsev and the regiment commander Lieutenant Colonel Pentyukhov. An unshakable faith of Lieutenant General Karmalin in*

*the steadfastness of the morale of horsemen of the Kuban-Gorsky cavalry-irregular regiment, in a high degree of their readiness to fight for the interests of Russia was truly surprising was.*

*The author has come to the conclusion that the history of formation of the Circassian hundreds of the Kuban-Gorsky regiment in 1877 clearly shows one of the most effective ways to attract painlessly the highlanders of the Kuban region to military service in the Russian Empire. At the same time, the Russian authorities in the Kuban region received a potentially new generation of aul administrators in the persons of young representatives of the Circassian noble families, who passed the test of allegiance to the Russian throne by their service in the highland regiment.*

**Key words:** *the Russian-Turkish war, formation, the Kuban-Gorsky regiment, the Circassians, district chief, region chief, riders escape.*

**For citation:** Kandor R.S. Formation of Circassian hundreds of the Kuban-Gorsky cavalry-irregular regiment: the first historical experience (1877) // Vestnik of Maikop State Technological University. 2019. Issue 3(42). P. 28-40. DOI: 10.24411 / 2078-1024-2019-13002.

Освещение малоисследованных проблем истории отдельных регионов России по праву считается актуальной задачей отечественной исторической науки. К таким проблемам с полным основанием может быть отнесена тема формирования из горцев Кубанской области шести сотенного Кубанско-горского конно-иррегулярного полка. Тема участия горцев Кубанской области в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., в той или иной степени рассматривалась в работах таких российских исследователей, как Ш.М. Батчаев, Е.В. Брацун, А.Д. Вершигора, В.А. Дзыба и В.В. Слободенюк [1]. Однако, до сих пор, не раскрыта в полной мере, роль гражданских уездных правлений и лично начальника Кубанской области генерал-лейтенанта Кармалина в организации сложного процесса формирования из горцев иррегулярных конных частей – это был первый исторический опыт.

12 апреля (24 апреля) 1877 г. в Кишиневе был зачитан Высочайший манифест об объявлении войны Османской империи и уже через несколько дней пятьдесят тысяч российских солдат пересекли «Русский Рубикон» – реку Прут [2, р. 442-444]. И, несмотря на огромные сомнения российских властей, весной 1877 г. черкесам Кубанской области, наряду с другими коренными народами Северо-Западного Кавказа – абазинами, карачаевцами, ногайскими татарами и осетинами, была предоставлена возможность продемонстрировать свои лучшие природные качества искусных воинов. Наместник Кавказский, впервые с окончания военных действий на Северо-Западном Кавказе, посчитал возможным посмотреть на горцев, как на защитников интересов Российской империи.

Однако поводов для беспокойства у российского командования было предостаточно, это и активность про турецких агентов на Северном Кавказе, и как следствие Кавказской войны, большое количество переселенцев мухаджиров с Кавказа находившихся в Турции, и их родственные связи с оставшимися в Российской империи. Да и сама перспектива убивать мусульман на войне с мусульманским государством, не могла вдохновлять идти на эту войну жителей Северного Кавказа. «Таким образом, война 1877-1878 гг. становится естественным продолжением Кавказской трагедии, - отмечает в своей статье С.Х. Хотко, – когда Стамбул

вынужден был вступить в этот конфликт в самом не выгоднейшем своем состоянии. К тому же, едва не разделив судьбу черкесов. Образно говоря, мы можем назвать эту войну кровавым эпилогом Кавказской войны. Турки столкнулись с Русской армией, прекрасно обученной в горах Черкесии и Дагестана. И сами поля сражений в Закавказье и Болгарии были расположены в горах. Тысячи русских офицеров Действующей армии встретили на этой войне своих старых противников-горцев, и их доклады были переполнены интересными деталями относительно шапсугов, убыхов, кабардинцев, абадзехов, чеченцев и дагестанцев. Согласно данным российского военного командования черкесская кавалерия в западной Болгарии насчитывала 9250 сабель, в Восточной Болгарии – 5000 сабель, а в районе Бабадага – 1800 сабель [3, р. 223].

Тем не менее, 27 апреля 1877 г. в приказе по Кубанскому казачьему войску объявлялось о приказании главнокомандующего Кавказской армией Великого князя Михаила Николаевича о немедленном формировании из добровольцев («охотников») горцев Кубанской области – Кубанско-горского конно-иррегулярного полка шести сотенного состава. Изъявившим желание поступить в этот полк добровольцам, необходимо было приобрести на свои средства собственное обмундирование и снаряжение. Командиром Кубанско-горского конно-иррегулярного полка был назначен подполковник Пентюхов, бывший начальником Лабинского военно-народного округа и пользовавшийся заслуженным уважением среди черкесов [4, л. 154].

Таким образом, командованием было решено сформировать в Екатеринодарском уезде одну сотню, в Майкопском уезде укомплектовать три сотни, а в Баталпашинском уезде – две сотни. При этом, как видно из рапорта начальника Майкопского уезда, уже за несколько дней до появления приказа о формировании полка были отданы необходимые распоряжения о начале формирования сотен и установлены даты их прибытия на сборный пункт в станице Усть-Лабинской.

К тому же, в середине апреля в Кубанской области была сформирована Конно-иррегулярная сотня, в которую вошли черкесы-добровольцы из станицы Гривенско-Черкесской, станицы Суворово-Черкесской и из шапсугских аулов Екатеринодарского уезда [5, с. 127-128], [6, с. 3], [7, с. 3]. Сформированная конно-иррегулярная сотня находилась в подчинении командира 2 Полтавского конного полка Кубанского казачьего войска и несла службу по охране Черноморского побережья Таманского полуострова от вероятной высадки турецкого десанта.

Тем временем, в конце апреля в Майкопском и Екатеринодарском уездах уже были укомплектованы необходимые четыре сотни, по сто двадцать четыре всадника и плюс по четыре запасных всадника в каждой. Во все сотни начальниками уездов были назначены черкесы, из числа жителей уездов, на штатные вакансии офицеров, юнкеров и урядников. На должность полкового муллы был утвержден Эфендий Алмахсит Нагоев житель аула Джаракай, имевший огромное влияние и в преданности которого полковник Мамацев не сомневался [4, л. 8, 24 об.-26]. Подобные же по численности Зеленчукская сотня и Карачаевская сотня горцев-добровольцев в полной готовности были представлены начальником Баталпашинского уезда командиру Кубанско-горского конно-иррегулярного полка [4, л. 145].

Все шесть сотен полка были собраны в казармах Усть-Лабинской крепости и уже 8 мая 1877 г. всадники полка в присутствии подполковника Пентюхова и офицеров были приведены к присяге полковым муллой Алмахситом Нагоевым. Все нижние чины Кубанско-горского конно-иррегулярного полка поклялись на Коране служить верой и правдой Российскому императору Александру Николаевичу [4, л. 149-153]. И при всей торжественности и значимости для полка происходившего священнодействия, кажущихся радужных перспектив службы, командование полка было обеспокоено случаями бегства мелких групп нижних чинов из мест расположения комплектуемых сотен.

Вскоре начальник Кубанской области провел смотр сотням Кубанско-горского конно-иррегулярного полка и остался вполне удовлетворенным от увиденного. Выправка всадников горского полка произвела хорошее впечатление на генерал-лейтенанта Кармалина и говорила о готовности полка к военному походу. Пользующийся заслуженным признанием среди историков кубанский краевед А.Д. Вершигора обращает внимание в своем исследовании на то, что генерал-лейтенанта Кармалина продолжали одолевать некоторые сомнения, и он еще решал, как поступить с полком. «Настораживали сообщения о бегствах в Черноморской сотне, в Кабардино-Кумыкском и Чеченском полках в Закавказье, - отмечает А.Д. Вершигора. – Эти побеги в полках были трудно объяснимы, так как оба полка проявили доблесть в боях. Хорошо знавший быт и настроения горцев подполковник Пентюхов уверял: полк – не подведет» [8, с. 2].

Тем не менее, не смотря на все сомнения, российским командованием было принято решение о выступлении в поход Кубанско-горского конно-иррегулярного полка. Сначала, 12 июня две сотни полка – 5 сотня (черкесов из Майкопского уезда) и 6 сотня (карачаевцев из Баталпашинского уезда), были направлены для совместного с полками Кубанского казачьего войска патрулирования и охраны горных перевалов в Баталпашинском и Майкопском уездах [4, л. 211-212], [9, л. 26]. А уже 24 июня 1877 г., следуя предписанию командующего войсками Кубанской области и Черноморского округа, штаб и четыре сотни Кубанско-горского конно-иррегулярного полка выступили из Усть-Лабинской станицы в направлении железнодорожной станции Кавказской. Весь маршрут следования полка проходил через станицы Ладожскую, Тифлисскую и Казанскую. На 29 и 30 июня была назначена посадка сотен полка на железнодорожной станции Кавказской в пять эшелонов для следования по железной дороге через г. Владикавказ и далее до Тифлиса [10, л. 4, 17, 18].

Однако утром 26 июня произошло чрезвычайное происшествие, которое могло привести и к потере боеспособности полка, и подорвать вообще доверие вышестоящего командования к всадникам полка. В 7 часов утра во время выступления полка из ст. Тифлисской после ночевки, пятьдесят восемь нижних чинов 1 сотни на глазах у всего полка бежали из его расположения. Заметив это выдвижение большого числа людей из лагеря полка, кто-то из нижних чинов полка даже бросились за ними, чтобы остановить их, но беглецами по ним был открыт ружейный огонь. Подполковник Пентюхов, выяснив, что бежавшие всадники направились в сторону Лабы и, боясь, в свою очередь, деморализации личного состава полка, приказал прекратить преследование и вернуться всем нижним чинам в расположение полка. Но, несмотря на это сверх удручающее происшествие, полк,

оправившись, продолжил движение по установленному маршруту в ст. Казанскую. При этом командир Кубанско-горского конно-иррегулярного полка незамедлительно отправил курьеров с телеграммами к начальнику Кубанской области и начальнику Майкопского уезда, где сообщал о факте побега всадников полка [11, л. 1].

И как выяснилось позднее, начальнику Майкопского уезда, еще до получения этих телеграмм, уже было известно о бегстве из полка нижних чинов. Так, уже в 10 часов утра к старшине Хатажукаевского аула штабс-ротмистру Келемету Болотокову прискакал один из жителей аула, рассказав о переправе пятидесяти восьми всадников через р. Лабу у ст. Темиргоевской и о перестрелке их с черкесами-милиционерами из уездной земской стражи, которые в это время находились у переправы. Возглавив группу жителей своего аула и взяв с собой черкесов-милиционеров из уездной земской стражи, князь Келемет Болотоков сразу бросился в погоню за дезертирами. Но прежде чем сделать это, он послал курьеров к своему участковому приставу штабс-ротмистру Штригелю и командиру Урупского полка полковнику Семину, прося их выслать сотню казаков на перерез бежавшим из горского полка нижним чинам в район р. Фарс к аулу Хаджимуковскому. И чем дальше отряд преследователей под предводительством штабс-ротмистра Келемета Болотокова продвигался по следам беглецов, тем больше становилось присоединившихся к ним вооруженных муртазаков от аулов Мамхеговского, Хакуриновского, Егерухаевского и Джеракаевского. В это же время, оповещенные о происшествии, старшины аулов Блечепсинского и Унароковского вместе со своими муртазаками соединились с другой командой милиционеров уездной стражи во главе с юнкером Езуговым. И под общим командованием пристава Штригеля, они успели встать на пути следования дезертиров и остановить их на р. Чехрак вблизи Блечепсинского аульного леса напротив ст. Курганной [11, л. 46]. Беглецам из Кубанско-горского конно-иррегулярного полка было предложено проехать в а. Хаджимуковский и расположиться там на ночлег. Пристав Штригель не стал рисковать людьми без достаточного вооруженного подкрепления, тем более, что он знал, что атаман Майкопского военного отдела генерал-майор Семенкин уже направил казачьи сотни для блокирования Хаджимуковского аула [11, л. 8-9]. Во время ночлега в ауле выяснилось, что беглецов осталось пятьдесят семь человек – один из дезертиров отделился от их группы сразу же после переправы через Лабу и уехал в неизвестном направлении.

С наступлением утра следующего дня 27 июня пристав Штригель объявил беглецам об их аресте и потребовал сдать оружие. Приказу российского чиновника беспрекословно подчинились только сорок восемь человек из числа дезертиров, но остальные девять человек сразу бросились на кладбище, собираясь там с оружием в руках сопротивляться аресту. И для того, чтобы избежать напрасного кровопролития, были начаты с ними переговоры при посредничестве стариков Хаджимуковского аула, которым удалось вывести с кладбища одного за другим восемь беглецов. На кладбище остался только Сальман Гуагов и сдаваться властям он отказался, а когда его ружье дало осечку, он бросился с обнаженным кинжалом на говорившего с ним уездного народного кадия Хусейна Шовгенова и успел его ранить, прежде чем его скрутили подоспевшие муртазаки.

Вечером 28 июня арестованные дезертиры были доставлены под казачьим конвоем в Майкопскую тюрьму и с каждым из них лично беседовал начальник полковник Мамацев – ему важно было, прежде всего, выяснить те причины, которые подтолкнули их к таким экстраординарным действиям [11, л. 46, об.-47]. «При опросе на тюремном дворе беглецов о причине бегства их из полка, – писал полковник Мамацев, – они объявили, что сорок восемь человек 1 сотни бежали в следствии невыносимого обращения сотенного командира Хакуринова [Тугужа Хакуринова – К.Р.], который постоянно ругал их и позволял собственноручно их бить, а одному скрывшемуся и до сих пор не разысканному, он вырвал пол бороды, в следствии чего, ему стыдно показаться на глаза людей – потому он скрылся; десять человек 2 сотни, бежало в следствии тоски по родине» [11, л. 47].

Между тем, за то короткое время пока шла погоня, военным командованием и уездными чиновниками решался вопрос о том, как поступить с беглецами из полка и каким образом быстро восстановить его численный состав. Начальник Кубанской области был даже расположен со снисхождением отнестись к участи беглецов, при условии их полного раскаяния и возвращения в полк [11, л. 13, 14, 15]. Однако командир Кубанско-горского конно-иррегулярного полка обосновано выступил категорически против возвращения в полк беглецов. Он провел собственное дознание среди нижних чинов полка и выяснил, что зачинщиком побега был житель Хаджимуковского аула Сальман Гуагов, что направлялись они не в свои родные аулы, а в горы, чтобы пробраться в Сухум занятый турками. По его мнению, необходимо было принять во внимание и то обстоятельство, что побег совершался открыто и беглецы стреляли по останавливавшим их землякам. «Возвращение в полк признаю совершенно невозможным, – продолжал настаивать на своем подполковник Пентихов. – Это унизит людей честных, а между всеми укрепит мысль и без того существующую, что полк есть выдуманная мера наказания, куда зачисляют людей порочных, чтобы под благовидным предлогом истребить их. Возвращение беглецов полк поведет к грустным последствиям; не могу взять на себя ответственность за последствия» [11, л. 18-19].

В свою очередь, генерал-лейтенант Кармалин признал обоснованность доводов подполковника Пентюхова, тяжесть факта нарушения присяги и приказал доставить арестованных пятьдесят семь беглецов под строгим караулом в Екатеринодарскую тюрьму, для придания их военно-полевому суду без всякого снисхождения.

Одной из главных задач, которую необходимо было решить в течение ближайших двух-трех дней начальнику Кубанской области – восстановление численности личного состава Кубанско-горского конно-иррегулярного полка. В начале командованием было предложено направить в полк дополнительно охотников от тех черкесских аулов Майкопского уезда, жители которых были в числе дезертиров. При этом, командир полка подполковник Пентюхов даже называл фамилии тех кандидатов, кого он хорошо знал в бытность его начальником Лабинского округа и кого он хотел бы видеть в составе своего полка. Однако, генерал-лейтенанту Кармалину стало окончательно ясно, что к первым числам июля собрать недостающих всадников от аулов Майкопского уезда совершенно не реально. И поэтому, им было поддержано предложение начальника Майкопского уезда о том, чтобы отправление полка в Закавказье не задерживать, взять недостающих всадников

из состава 5 сотни полка, которая в это время охраняла горные перевалы. И если даже это пополнение не успевало прибыть на железнодорожную станцию Кавказскую до 30 июня, то оно вполне бы имело возможность догнать свой полк во Владикавказе, где была запланирована длительная стоянка полковых эшелонов [11, л. 21-21об.].

29 июня 1877 г. в Майкоп вернулась из военного поиска в горах 5 (кабардинская) сотня Кубанско-горского конно-иррегулярного полка и сразу же в присутствии атамана Майкопского военного отдела генерал-майора Семенина, полковник Мамацев приступил к выбору пятидесяти восьми всадников предназначенных для замены беглецов. На сделанное им предложение выйти вперед всем желающим добровольно отправиться на пополнение состава 1 сотни – вышло только восемнадцать человек. «На вопрос мой, отчего мало охотников, – отмечал полковник Мамацев. – Они отвечали, что с удовольствием бы готовы идти в настоящем сотенном составе, но поступить под начальство Хакуринова они бы не желали, но ежели Я настаиваю, то они просили меня бросить жребий и кому Бог судит идти в поход, тот с удовольствием исполнит свой долг (фатализм). Я разумеется согласился с их желанием и по жребию выбрал еще 40 всадников» [11, л. 48-48 об.]. Выбранная таким интересным образом команда нижних чинов на пополнение 1 сотни полка выступила 30 июня из Майкопа в Армавир под временным командованием пристава Штригеля, а откуда 3 июля отправилась по железной дороге до Владикавказа, где и присоединилась к своему полку, ждавшему их с нетерпением [11, л. 35].

При этом, все то время пока шла погоня за беглецами, население черкесских аулов Майкопского уезда оставалось совершенно спокойным. «Урожай нынешнего года, не оставляет им времени для занятий политикой, - писал начальник уезда к генерал-лейтенанту Кармалину, – а блестящее поведение аульных жителей при поимке беглецов, дает мне право свидетельствовать перед Вами о прочности их верноподданнических чувств» [11, л. 49об.].

Без сомнения, одна из причин всех этих событий, связанных с бегством всадников из полка, заключалась в той спешке, в которой вынужден был формироваться полк, отбирались кандидаты-охотники – без тщательной оценки их моральных качеств, без участия в этом важном процессе командира полка подполковника Пентюхова. Достаточно много вопросов на сборном пункте возникало и по поводу состояния здоровья некоторых всадников полка.

Но, что действительно удивляло в тот момент, так это та непоколебимая уверенность генерал-лейтенанта Кармалина в стойкости морального духа всадников Кубанско-горского конно-иррегулярного полка, в высокой степени их готовности воевать за интересы России. В тот день, когда полк покидал Кубанскую область и отправлялся в Действующую армию, генерал-лейтенант Кармалин направил подполковнику Пентюхову короткую, но по-отечески сердечную телеграмму: «Желаю всего лучшего. Скажите мой привет полку» [11, л. 28].

27 июля 1877 г. Кубанско-горский конно-иррегулярный полк прибыл в г. Ахалкалаки, административный уездный центр Тифлисской губернии. Российским командованием Действующей армии четыре сотни полка были направлены прикрывать тыл российских войск, ушедших далеко в глубь Турции. Необходимо было своими

разъездами и постами охранять мирные селения русских молокан и армян, расположенные по дороге от Ахалкалаки до Александрополя [12, л. 13, 91]. На освобожденных от турецкого влияния территориях стала выстраиваться российская административная система управления. С первых же дней пребывания четырех сотен Кубанско-горского конно-иррегулярного полка на линии охранения вдоль старой турецкой границы, они вступали в перестрелки с вооруженными разбойничьими бандами, пытавшимися прорваться на российскую территорию. Особенно, местное население боялось крупной банды под предводительством Мизсрали, приходившей на грабежи из Турции.

Нельзя не отметить, что когда в 1877 г. было объявлено по Кубанской области о начале набора охотников в формируемый Кубанско-горский конно-иррегулярный полк, большое количество преданных российскому престолу жителей черкесских аулов изъявили искреннее желание принять участи в войне с Турцией. Вместе с тем, начальник Кубанской области отчетливо понимал, что если вывести одновременно из общей массы черкесского населения наиболее преданных и влиятельных подданных Российской империи, то это могло бы пагубным образом отразиться на общественном спокойствии в уездах. По этой причине отбор людей в формируемые горские сотни проводили начальники Екатеринодарского и Майкопского уездов, которые самостоятельно на месте определяли тех, на кого они могли опереться в своей работе и чье присутствие в черкесских аулах гарантировано способствовало бы поддержанию порядка в уездах. Кроме того, для российских чиновников важно было привлечь к военной службе и молодежь, легко увлекающуюся, склонную по своему характеру к поиску приключений и проявлению лучших своих национальных наезднических способностей [13, л. 48].

Особую благодарность командующего войсками Кавказской армии заслужили и жители черкесских аулов Майкопского уезда, которые за все время войны с Турцией неоднократно проявляли свои верноподданнические чувства, не отставали от всего населения Кубанской области, и все свои лучшие людские силы по первому призыву, без какого либо принуждения, послали на эту войну. Тронула сердце Великого князя жертвенность черкесов Майкопского уезда, которые собрали 2500 рублей для помощи всем пострадавшим в войне с Турцией. Он приказал начальнику Кубанской области генерал-лейтенанту Кармалину публично поблагодарить от имени Его императорского Высочества «горцев Майкопского уезда за их доброту и участливую сострадательность» [14, с. 67.].

История формирования Кубанско-горского конно-иррегулярного полка в 1877 г. наглядно показала на практике один из действенных способов безболезненного привлечения горцев Кубанской области к отбыванию воинской повинности в Российской империи. При этом российские власти Кубанской области получили в лице молодых представителей дворянских черкесских фамилий, прошедших проверку на верность Российскому престолу своею службою в горском полку, новое поколение потенциальных аульных администраторов. Многие из числа этой молодежи получили начальное образование в Лабинской горской школе и в отличие от старшего поколения уже говорили и писали по-русски. В течение последующих десятилетий многие из бывших всадников

горского полка проявили себя как прекрасные аульные старшины и чиновники аульных правлений.

*Литература:*

1. Батчаев Ш.М. Карачаевцы в войнах России (2-я половина XIX-начало XX вв.). М., 2009. 277 с.; Дзыба В.А. Абазины в войнах России (XIX и начало XX веков). М., 2014. 352 с.; Слободенюк В.В. Из истории Кубанско-Горского конно-иррегулярно-го полка // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. 2012. Вып. 1-2. С. 87-96.
2. Grant Barnwell R. The Russo-Turkish War. California: San Francisco, 1877. 560 p.
3. Samir H. Hotko. Importance of Russian-Turkish War of 1877-1878 for the Circassian History // The Ottoman-Russian War of 1877-78. Related by Ömer Turan. Turkey. Ankara, 2007. P. 221-226.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 349. Оп. 1. Д. 5. Л. 244, 154.
5. Брацун Е.В. Конно-иррегулярная сотня в войне с Турцией в 1877 г. // Год Польши в России: вопросы историко-культурных взаимосвязей славянских народов и их соседей: материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015. С. 127-133.
6. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1877. №14.
7. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1877. №16.
8. Вершигора А.Д. Кубанские казаки в полках Черкесских // Литературная Кубань. 2006. №21 (247). С. 2-3.
9. ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 6.
10. ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 17.
11. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2175.
12. ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 18.
13. ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 47.
14. Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1878. №21.

*Literature:*

1. Batchaev Sh.M. The Karachays in the wars of Russia (2nd half of the XIX-beginning of XX centuries). M., 2009. 267 p. ; Dzyba V.A. The Abazins in the wars of Russia (XIX and early XX centuries). M., 2014. 352 p.; Slobodenyuk V.V. From the History of the Kuban-Gorsky Cavalry-Irregular Regiment // Voice of the Past: Kuban Historical Journal. 2012. Issue. 1-2. P. 87-96.
2. Grant Barnwell R. The Russo-Turkish War. California: San Francisco, 1877. 560 p.
3. Samir H. Hotko. Importance of Russian-Turkish War of 1877-1878 for the Circassian History // The Ottoman-Russian War of 1877-78. Related by Ömer Turan. Turkey Ankara, 2007. P. 221-226.
4. The State Archives of the Krasnodar Territory (hereinafter referred to as the SAKT) F. 349. Op. 1. D. 5. L. 244, 154.
5. Bratsun E.V. Cavalry-irregular hundred in the war with Turkey in 1877 // Year of Poland in Russia: questions of historical and cultural interconnections between Slavic peoples

and their neighbors: materials of an International scientific and practical conference. Krasnodar, 2015. P. 127-133.

6. Kuban regional sheets. Ekaterinodar, 1877. No. 14.

7. Kuban regional sheets. Ekaterinodar, 1877. No. 16.

8. Vershigora A.D. The Kuban Cossacks in the Circassian regiments // Literary Kuban. 2006. No. 21 (247). P. 2-3.

9. SAKT. F. 349. Op. 1. D. 6.

10. SAKT. F. 349. Op. 1. D. 17.

11. SAKT. F. 396. Op. 1. D. 2175.

12. SAKT. F. 349. Op. 1. D. 18.

13. SAKT. F. 349. Op. 1. D. 47.

14. Kuban regional sheets. Ekaterinodar, 1878. No. 21.